

16 Васильев, В. Правовые вопросы осуществления государственно-частного партнерства / В. Васильев // Транспорт Российской Федерации. – 2006. – № 4. – С 28–29.

17 Белицкая, А.В. Правовые формы государственно-частного партнерства в России и зарубежных странах // Предпринимательское право. – 2009. – № 2. – С. 6–11.

18 Цегельник О. В. Инвестиционное обязательство при купле-продаже предприятия, акций, принадлежащих государству, по конкурсу в процессе приватизации. – Минск: Тесей, 2011.– 206 с.

19 Козлова, Е.Б. Инвестиционный договор и пробелы российского законодательства / Е.Б. Козлова // Предпринимательское право. – 2013. – № 1. – С. 17–21.

20 Кропотов, Л.Г. Правовое регулирование коммерческих инвестиций в объекты капитального строительства: автореф. дис. ...докт-ра юрид. наук: 12.00.03 / Л.Г. Кропотов; ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский гос. ун-т». – Санкт-Петербург, 2011. – 25 с.

Д.И. Михайлов

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

К ВОПРОСУ О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА, НЕСООТВЕТСТВУЮЩИХ ЕГО ПРАВОСПОСОБНОСТИ

Введение

Согласно ст. 174 ГК Беларуси сделка, противоречащая цели деятельности юридического лица, может быть признана судом недействительной по иску участника организации, совершившей такую сделку, если другая сторона сделки знала или должна была знать о ее неправомерности. В содержании правил ст. 174 ГК Беларуси, п. 2 ст. 48 ГК Беларуси и ст. 14 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 9 декабря 1992 года (далее Закон об обществах) имеется ряд правовых пробелов. В результате наличия данных пробелов единообразное применение правила ст. 174 ГК Беларуси значительно осложнено как в отношении сделок некоммерческих организаций, так и коммерческих.

Целью настоящей работы является системный анализ правовых проблем применения правила ст. 174 ГК Беларуси, которые могут возникнуть в результате имеющихся пробелов.

Основная часть

В случае соподчиненности уставных целей факт противоречия сделки юридического лица главной цели следует рассматривать как

основание ее недействительности, предусмотренное ст. 174 ГК Беларуси. Однако, если вспомогательная уставная цель противоречит в части условий сделки юридического лица его главной цели, возможны разные варианты толкования рассматриваемых норм, обуславливающие вариативность применения ст. 174 ГК Беларуси.

Согласно первому варианту толкования, для признания недействительности сделки юридического лица достаточно ее противоречия любой из уставных целей независимо от ее места в иерархии целей, так как правоспособность юридического лица имеет границы, определяемые целями его деятельности.

В соответствии со вторым вариантом толкования анализируемых правил, не может быть признана недействительной сделка, соответствующая главной цели деятельности юридического лица и противоречащая вспомогательной цели, которая, в свою очередь, не соответствует главной именно в аспекте условий оспариваемой сделки. Это обусловлено тем, что границы правоспособности юридического лица определяются главной целью его деятельности, тогда как вспомогательные цели в сущности обозначают возможные пути достижения главной цели, которые должны способствовать, а не препятствовать ее достижению. При этом значительную сложность вызывает определение соотношения уставных целей организации, которые имеют смысловую соподчиненность, но прямо не определены в качестве главной и вспомогательной соответствующим положением устава. В такой ситуации соотношение уставных целей следует определять путем применения по аналогии правил толкования условий договора, содержащихся с ст. 401 ГК Беларуси. Однако смысловая соподчиненность уставных целей может усматриваться в зависимости от экономической целесообразности реализации того или иного бизнес-плана и не может быть определена исходя из буквального смысла соответствующих положений устава. В подобных случаях ч. 2 ст. 401 ГК Беларуси предусматривает толкование условий договора в соответствии с общей волей сторон, с учетом цели договора, что по отношению к определению соподчиненности уставных целей весьма затруднительно.

Особое место среди целей деятельности коммерческих организаций занимает извлечение прибыли. Правила ст. 46 и п.2 ст. 48 ГК Беларуси не позволяют однозначно констатировать наличие возможности указания в качестве единственной уставной цели деятельности коммерческой организации именно извлечения прибыли в отсутствие какой-либо конкретизации.

Согласно первому варианту толкования, исходя из принципа дозволенной направленности, закрепленного в ст. 2 ГК Беларуси, а также с учетом отсутствия обязанности большинства коммерческих

организаций по закреплению в учредительных документах предмета их деятельности, наличие неконкретизированного извлечения прибыли в качестве единственной цели деятельности представляется правомерным. Любая конкретизация источника получения прибыли в уставной цели коммерческой организации в значительной степени связана с группами и видами деятельности, предусмотренные которых в уставе трансформирует универсальную правоспособность в специальную.

В соответствии со вторым вариантом толкования правил об уставных целях коммерческих организаций, неуказание в уставе цели, конкретизирующей источник (источники) получения прибыли, неправомерно. Правилами п. 2 ст. 48 ГК и ст. 14 Закона об обществах коммерческих организациям вменяется в обязанность предусматривать какую-либо цель в уставе, тогда как извлечение прибыли, в качестве основной цели, предусмотрено для таких организаций законом (п. 1 ст. 46 ГК Беларуси), что исключает необходимость дублирования этой цели в уставе. Поэтому под действие правил, обязывающих коммерческие организации предусматривать уставные цели в их учредительных документах, подпадают, иные более конкретные цели, чем извлечение прибыли как таковое.

При рассмотрении ряда требований об оспаривании сделок юридических лиц по основанию, предусмотренному ст. 174 ГК Беларуси, суды исключали допустимость определения прибыли в качестве составляющей гражданских прав, образующих как специальную, так и универсальную правоспособность коммерческих организаций.

В решении от 10 мая 2011 г, вынесенном по делу № 782-11/2010, хозяйственный суд Могилевской области указал, что вопрос о заключении сделок с точки зрения их прибыльности, занижения цены (убыточности) как таковой, равно как и вопросы совершения хозяйственным обществом крупных сделок и сделок с заинтересованностью аффилированных лиц, не связаны с правоспособностью коммерческой организации. По мнению суда, исходя из содержания ст. 45 ГК, правоспособность (общая или специальная) связана с видами деятельности, которыми вправе заниматься организация [1]. Однако вследствие отрицания зависимости прибыли от содержания гражданских прав возникает вопрос о существовании общей правоспособности, которая в анализируемом судебном постановлении упомянута.

Вследствие обязательности вышерассмотренной конкретизации целей коммерческой организации ее правоспособность является в меньшей степени специальной, чем правоспособность некоммерческих организаций, но не универсальной. Неслучайно в п. 16 постановления

Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 28 октября 2005 г. № 26 сфера применения ст. 174 ГК ограничивается недействительностью сделок, выходящих за рамки специальной правоспособности организаций [2].

К аналогичным выводам пришел хозяйственный суд города Минска, который в решении от 29 июня 2006 г., по делу №238-5/06, дополнил вышеуказанное обоснование выводом о правомочности оспаривания сделок коммерческих организаций только в случае их противоречия более конкретным уставным целям, чем извлечение прибыли, сославшись на соответствующий пункт устава общества-ответчика [3].

Безусловно, отрицание судами извлечения прибыли как ограничителя правоспособности (как специальной, так и универсальной) основывается на неоднозначности квалификации прибыли как составляющей правоспособности, в том числе и универсальной, а также на более тесной взаимосвязи конкретизированной уставной цели и предмета деятельности. Неоднозначность квалификации прибыли как составляющей правоспособности обусловлена необходимостью дифференциации юридического содержания и экономической количественной составляющей условий сделок. При этом могут быть выдвинуты доводы в пользу квалификации прибыли как количественной составляющей гражданских правоотношений, не влияющей на содержание гражданских прав.

Однако, на наш взгляд, в отсутствие адекватного учета экономической (количественной) составляющей приобретаемых по сделке гражданских прав констатация надлежащего волеизъявления сторон невозможна. Кроме того, для некоторых договоров количественная составляющая может стать основанием определения отдельных условий и прав, основанных на них. Таким образом, квалификация прибыли, как составляющей содержания гражданских прав и обязанностей, имеет определенное, хотя и не бесспорное обоснование.

Соотношение целей и предмета деятельности юридического лица является еще одной значимой проблемой, усложняющей рассмотрение дел об оспаривании сделок как коммерческих, так и некоммерческих организаций по основанию, предусмотренному ст. 174 ГК Беларуси. Несмотря на отсутствие законодательно установленной обязанности отражения в учредительных документах коммерческих организаций предмета их деятельности, такие организации могут осуществлять те виды деятельности, которые не противоречат их целям. При этом уставные цели, в формулировках которых определяется источник получения прибыли коммерческой организации, позволяют определить все возможные виды деятельности, которые подпадают под уставное

определение данного источника. Тогда как неконкретизированное извлечение прибыли, как основная цель деятельности коммерческой организации, позволяет исключить из предмета деятельности коммерческой организации только те виды, которые являются заведомо убыточными.

Однако толкование извлечения прибыли как цели, не определяющей границы правоспособности, нельзя назвать системным.

Содержащееся в п. 1 ст. 46 ГК указание на основной целевой характер извлечения прибыли не только выполняет функцию признака дифференциации коммерческих и некоммерческих организаций (для этого не обязательно обозначать извлечение прибыли как основную цель), но также предполагает главенство извлечения прибыли по отношению к остальным возможным (обязательным) уставным целям. Исходя из этого, можно сделать вывод, что обозначенные в уставе цели не должны противоречить извлечению прибыли как основной цели. Следовательно, основные направления, виды деятельности и конкретные сделки не должны противоречить извлечению прибыли – основной цели, провозглашенной законом.

Конкретные заведомо убыточные сделки коммерческой организации (возмездные или безвозмездные) сложнее квалифицировать как выходящие за рамки правоспособности. Сложность такой квалификации, по нашему мнению, обусловлена проблемой отграничения случайных и закономерных убыточных сделок.

Заведомо убыточная сделка, совершаемая случайно, по ряду причин может соответствовать извлечению прибыли как основной цели деятельности коммерческой организации. В решении хозяйственного суда Могилевской области от 24 апреля 2006 г. (дело №58-12/2006) обоснованно акцентируется, что извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности коммерческой организации не означает обязательное получение прибыли от каждой сделки такой организации [4].

Закономерные заведомо убыточные сделки следует квалифицировать как противоречащие извлечению прибыли – основной цели деятельности коммерческой организации, а, следовательно, признавать недействительными на основании ст. 174 ГК Беларуси.

Однако для единообразного отграничения случайных и закономерных заведомо убыточных сделок требуется не только обоснованное соответствующим образом толкование правил п.1 ст. 46, п. 2 ст. 48 и ст. 174 ГК Беларуси, но также законодательное закрепление четких критериев. При этом нельзя не отметить принципиальное отличие ст. 174 ГК Беларуси от сходных норм Части 1 Гражданского кодекса России (далее ГК РФ) и Модельного Гражданского кодекса

СНГ (далее МГК СНГ). В соответствии с ст. 173 российского ГК и ст. 172 МГК СНГ недействительность нецелевой сделки юридического лица может быть признана судом только, если эта сделка противоречит целям деятельности, определенно ограниченным в учредительных документах, а не извлечению прибыли [5; 6].

На наш взгляд, ограничение применения ст. 174 ГК Беларуси посредством унификации ее диспозиции с правилом ст. 173 ГК России нецелесообразно. Закономерная заведомо убыточная сделка вполне может обладать признаками видимого соответствия конкретизированной уставной цели, основанной на предметном, а не результативном критерии, что минимизирует вероятность ее успешного оспаривания как выходящей за рамки правоспособности.

Заключение

Полагаем, одним из вариантов выработки критериев отграничения случайных и закономерных заведомо убыточных сделок следует рассматривать интерпретацию оснований недействительности сделок, предусмотренных законодательством об экономической несостоятельности. Более эффективной представляется разработка соответствующих критериев на основе принципа соотношения условий убыточной сделки, ее места в системе договорных отношений коммерческой организации и степени значимости для этой организации ее предполагаемых экономических последствий.

Повышение эффективности правовых норм о правоспособности юридических лиц и недействительности сделок, выходящих за ее рамки, является важным фактором защиты имущественных интересов юридических лиц и их участников (инвесторов).

Список использованных источников

1 Решение хозяйственного суда Могилевской области от 10 мая 2011 г, дело № 782-11/2010// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2014.

2 О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок: постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 28 окт. 2005 г., № 26 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2014.

3 Решение хозяйственного суда города Минска от 29 июня 2006 г., дело №238-5/06// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный

ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2014.

4 Решение хозяйственного суда Могилевской области от 24 апреля 2006 г., дело №58-12/2006// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2014.

5 Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: федер. Закон Рос. Федерации, 30 нояб. 1994 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.

6 Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ о Модельном гражданском кодексе для государств - участников СНГ (часть первая): совершено в г. Санкт-Петербурге 29 октября 1994 года // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. – 1995. – № 6. – С. 4 – 346.

Л.Е. Можяева

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

СУБЪЕКТЫ НАЛОГОВОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

В юридической науке отдельные авторы выделяют элементы налогового обязательства. Одним из первых данную проблему исследовал Порохов Е.В. Так, данный автор подчеркивает, что «в состав налогового обязательства, понимаемый нами в широком смысле, входят: субъекты налогового обязательства; объект налогового обязательства и содержание налогового обязательства (юридическое как совокупность субъективных юридических прав и обязанностей и материальное как реализация этих прав и обязанностей в конкретных действиях субъектов, в их поведении)» [1, с. 87].

Худяков А.И. также в качестве элементов налогового обязательства, формирующих его состав, выделяет: а) субъекты обязательства; б) объект обязательства; в) содержание обязательства [2, с. 399].

С позициями данных автора не согласен Кучерявенко Н.П., поскольку в данном случае, по его мнению, «смешиваются понятия «налоговое правоотношение» и «налоговая обязанность». Если подобная конструкция (субъекты, объект, содержание) может выражать сущность налоговых правоотношений, то вряд ли ее безапелляционно можно отнести к элементам налоговой обязанности. Налоговая обязанность регулируется